

Анжиганова Лариса Викторовна

МИР ХАКАССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС

Статья раскрывает содержание противоречивых процессов сохранения и развития хакасов в условиях глобализации и социальных трансформаций. В ней показано, что неотрадиционалистский тренд является одной из эффективных стратегий. При этом особое внимание уделяется доминирующей роли женщин в развитии традиционного и современного обществ. Делается вывод о том, что этнический неотрадиционализм носит скорее символический и противоречивый характер, само же культурное наследие характеризуется неполнотой проявления традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 27-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 02.41.41

Философские науки

Статья раскрывает содержание противоречивых процессов сохранения и развития хакасов в условиях глобализации и социальных трансформаций. В ней показано, что неотрадиционалистский тренд является одной из эффективных стратегий. При этом особое внимание уделяется доминирующей роли женщин в развитии традиционного и современного обществ. Делается вывод о том, что этнический неотрадиционализм носит скорее символический и противоречивый характер, само же культурное наследие характеризуется неполнотой проявления традиции.

Ключевые слова и фразы: хакасы; хакасская женщина; традиции; ритуалы; этнический традиционализм; этнический модернизм; этнический неотрадиционализм.

Анжиганова Лариса Викторовна, д. филос. н., доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Alv_9@mail.ru

МИР ХАКАССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС[©]

*Работа подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 15-03-00146
«Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов».*

Глобализация породила и продолжает воспроизводить новые процессы и явления, которые рядом исследователей характеризуются как проявление растущей феминности. Нарушенная симметрия социального бытия порождает потребность преодоления гендерного дисбаланса в различных сферах. Нельзя не согласиться с выводом авторов коллективного исследования «Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования» о том, что «поскольку происходящие социальные процессы весьма динамичны, нормативно-ценностные ориентиры населения пребывают в стохастическом состоянии, возникает интересующая потребность в “незыблемых” ценностях и образцах “социально должного” поведения, и гендерные стереотипы способны выполнить эту функцию...» [3, с. 25].

Этнокультурная составляющая этого процесса вносит новые краски, от пессимистически-мрачных (усиление ассимиляции) до радужно-оптимистических. В последнем случае акцент делается на восстановлении традиционных моделей гендерного баланса как фактора сохранения целостности этноса в течение длительного исторического времени.

В переломные периоды, в условиях социальных трансформаций, вновь становятся востребованными механизмы восстановления этносами себя во времени: прошлом-настоящем-будущем. Новое время, новые обстоятельства заставляют каждый раз по-новому осмысливать систему этнической целостности в аксиологическом, знаково-символическом и ритуально-поведенческом аспектах.

Этнос, будучи коллективным субъектом, тем не менее, представлен различными акторами этнического развития. Мужчины и женщины по-разному ведут себя в кризисных условиях, что определяется, помимо прочего, исторически сложившимися ценностно-нормативными стереотипами восприятия и поведения. Разрешение вышеуказанных противоречий осуществляется различными способами, в том числе, на основе этнического традиционализма, модернизма и неотрадиционализма.

Традиционалисты стремятся восстановить культуру в ее целостности на традиционных основаниях. Модернизация и инновация, по их мнению, уничтожают смысл и ценностную основу традиций, которые должны восстановить этническую культуру и сам этнос как целостность.

На наш взгляд, феномен этнического традиционализма можно представить как *стремление этнофоров восстановить традиционные, т.е. устойчивые, исторически апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения этноса в полном их объеме*. Востребованность традиции – следствие разрушения базовых ментальных оснований культуры:

- мир из единого и живого превратился в пространство неразрешимых противоречий;
- жизнь перестала быть атрибутивным свойством мира и человека, она конечна, ограничена и часто бессмысленна;
- человек не несет ответственности не только за природные процессы, но и за собственную жизнь: об этом говорят преступления, алкоголизм, наркомания, особенно в молодежной среде;
- выпадение человека из природной ритмичности привело к резкому и опасному снижению физического, психического здоровья человечества;
- отрицание онтологического статуса закона справедливости резко снизило планку общественной и личной нравственности;
- разрушилось целостное пространство жизни человека: семья – род – этнос перестали быть ценностью;
- творчество не является естественным процессом в жизни каждого человека, но только уделом немногих профессионалов;
- позитивное мировосприятие ушло в самые глубины коллективного бессознательного, уступив место эсхатологическим ожиданиям;

– многие этносы утратили чувство этнической целостности и солидарности, что проявилось в невротических реакциях повышенной мнительности и конфликтности и т.д.;

– наконец, этническая культура перестала быть естественным животворящим пространством существования этноса и каждого человека, отношение к ней стало на одном полюсе отрицательным (как примитивной и отсталой), в лучшем случае – безразличным, на другом – «полем последней битвы» немногочисленной национальной интеллигенции.

На уровне обыденного сознания функционирует миф об униженном положении хакасской женщины в традиционном обществе, что обычно обосновывается обычаями избегания (запрета называть по имени старших родственников мужа), карамчения (увоза девушки замуж силой), платы за нее калыма и пр.

В реальной жизни хакасская женщина занимала в семье и роде положение не менее значительное, чем мужчина. Л. Н. Гумилев утверждал, что у древних тюрков «отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу», «происхождению по линии матери придавалось большее значение» [4, с. 73-74]. Полноправной хозяйкой дома являлась женщина: она принимала наиболее важные решения, т.к. это была ее территория, ее Вселенная. В случае развода все, что находилось в юрте, женщина увозила с собой. Мир мужчины начинался за порогом жилища, мир женщины там продолжался.

Хакасский героический эпос дает многочисленные примеры, когда женщины были богатырками, вершителями судеб целых народов. Более того, они являлись олицетворением души народа («Алтын-Арыг»), символом мужества и воли (Абахай Пахта), спасительницей этноса (в легенде о Белой Волчице) и пр.

Часто утверждают, что женщина считалась «нечистой», ей запрещалось подниматься на родовые горы, она не участвовала в обряде жертвоприношения Небу (тигир таих). Однако, во-первых, известно, что женщина считалась таковой только в детородном возрасте. Девушки и женщины в старости имеют уже другой статус. Невинная девушка принимала участие даже в тигир таихах. Во-вторых, женщина, родившая и воспитавшая девять сыновей, имела право садиться на родовую святыню – ызых, что не позволялось даже самым уважаемым мужчинам данного рода. А ведь по рождению она принадлежала к другому роду (сеоку), не всегда дружественному.

На наш взгляд, принадлежностью к иному роду и объясняется, например, обычай избегания. Назвав старших родственников мужа по имени, она могла ненароком притянуть к ним внимание духов-покровителей (предков) своего рода. Известно, что сеоки между собой, как правило, находились в сложных отношениях, поэтому могли обмениваться, как сейчас принято говорить, негативными энергетическими ударами (заговорами, проклятиями и пр.). Кстати известно, что обычай избегания имеет и обратную сторону: по отношению к молодой жене никогда не позволялось ничего, что бы унизило ее человеческое достоинство. Примеров снохачества в традиционном обществе хакасов не зафиксировано.

Что касается обычая карамчения, то он возник, по-видимому, во времена враждебных отношений между родами-кочевниками, когда добрачное знакомство молодых было затруднено. Позднее он остался как традиция, в большинстве случаев предварительная договоренность молодых превращала этот обычай в формальность. Однако это не означает, что не было случаев действительно насильственного увоза невесты, зафиксированных даже в середине XX века.

Современному человеку, находящемуся в плену мифа об униженном положении хакасской женщины, интересно было бы послушать песню жениха конца XIX века, посвященную невесте: «Если ты войдешь в юрту, то я буду головней, которую ты можешь положить в огонь! Если ты велишь выйти на улицу, то я буду собакой, которую ты можешь выгнать! Если войдешь в воду, то я буду твоей опорой в знойные дни! Если взойдешь на гору, то я буду твоей тростью, на которую ты можешь опираться...» [5, с. 260].

Что касается калыма за невесту, то он вытекал из закона традиционного мировоззрения о необходимости эквивалентного обмена. Приняв девушку, которая принесет роду мужа многочисленное здоровое потомство – гарант его продолжения, обязательно нужно было заплатить за «материнское молоко», ее вскормившее, оцениваемое очень высоко за его сакральный характер. Кстати, калым и обязательное приданое невесты по стоимости были сопоставимы, и именно они становились основой материального благополучия молодой семьи.

Известно, что главной задачей каждого человека и каждой семьи в традиционном обществе являлось рождение и воспитание как можно большего числа детей. Это было гарантом незыблемости закона вечности жизни и бессмертия души в бесконечной цепи перевоплощений. И здесь важнейшая роль принадлежала женщине. Она рожала детей, отвечала за жизнь и здоровье семьи и, самое главное, формировала нравственный стержень человека, семьи, народа в целом.

Процесс освоения и присвоения мира человеком шел по выработанным тысячелетиями правилам. Уже в колыбельных песнях ребенок усваивал основные идеи традиционного мировоззрения. Так, единство с миром ярко демонстрирует записанная О. Н. Кышпанактовой архаичная колыбельная, в которой в 8-ми строчках ребенок узнает, что он – небесной, священной природы, что его родители – Черный Петушок и Красная Курица, бабушка – Царица Костяника, а дедушка – Царь Смородина [6, с. 11].

В отличие от мировых религий, ориентирующих человека на обретение вечного блаженства в иных «горних» мирах, этническое сознание хакасов находило радость бытия в этом солнечном мире. Большинство каменных эпитафий VI-VIII вв. начинаются словами «Я не наслаждался...» с перечислением тех ценностей, которые были особенно значимы для данного человека: жена, дочери, родная земля, «божественное государство» и т.п. Любовь, добро и свет разлиты в этом человеческом мире, поэтому бесконечная цепь перевоплощений становится оптимистической перспективой возрождения вновь и вновь.

По авторитетному мнению М. Элиаде, человек в традиционном обществе «смело взваливает на себя огромную ответственность: например, соучастие в создании космоса, сотворении своего собственного мира,

обеспечение жизни растений и животных... Речь идет об ответственности космического плана, отличной от ответственности моральной, общественного или исторического порядка, которые единственно и известны современным цивилизациям» [9, с. 62].

Бездумное вмешательство в развитие мира, нарушение порядка и гармонии, отказ от пути, предназначенного судьбой, являются тяжкими грехами. Наказание последует сразу, если грех относительно невелик, в виде болезней, неудач на охоте, падежа скота и пр. Но самые тяжкие грехи оборачиваются и самыми тяжелыми последствиями: несчастьями в семье, смертью детей, вымиранием рода. Что касается последнего, то это, в конечном счете, означало и конец перевоплощения человека, поскольку перерождение душ происходило внутри рода. А это – окончательная смерть не только души отдельного человека, но и, в конечном счете, рода.

Традиционное мировоззрение верило во всеобщий закон компенсации, закон справедливости. Весь хакасский фольклор демонстрирует, что наказание человек очень часто получает не по линии общества, но от Великого Синего Неба, которое, как известно «строгое, но справедливо».

Материальное благополучие в рамках ограниченных потребностей традиционного общества, достаток народа в целом, крепкие семейно-родовые связи способствовали сохранению у народа нравственных устоев. Честность в делах считалась законом. В. В. Радлов в XIX веке отмечал, что «пятьдесят лет назад абаканские татары славилась своей честностью... Но теперь бывает воровство и конокрадство». В падении нравов, по мнению ученого-путешественника, виноваты «сосланные, поселившиеся в деревнях неподалеку от юрт» [8, с. 229].

Поражает, как много и часто в героическом эпосе, пословицах и поговорках, обычаях и традициях фиксируется мысль о взаимопомощи и поддержке друг друга как важнейшем условии сохранения этноса. Особенно часто это требование обращено к героям-богатырям и, подчеркнем, богатыркам. Мало с чем по силе идеи может сравниться легенда об Абахай-Пахта, верной своей родине и народу настолько, что не пожалела самое дорогое, что есть у женщины – детей, дабы не покориться иноземцам и не остаться на чужбине. Легенда о Ханза-Пиге, последнем хакасском богатыре, боровшемся за независимость народа, была одной из самых любимых в народе.

В самом народе верность традициям, закону в целом считалась необходимой добродетелью, в героическом эпосе рефреном повторяется: «Не носите одежду без пояса, не будьте народом без суда, закона» [2, с. 254]. Законами были уважение к старшим, забота о младших, особенно о сиротах: «Сирот вверх нужно тянуть, униженного на свет нужно тянуть». У хакасов до середины XX века не было брошенных детей, сирот. Родственники не оставляли их без попечения. В хакасском героическом сказании «Албынжи» дается наказ герою:

Сила тебе для народа дана,
Пусть не уйдет бесполезно она!..
За свободу народа грудью вставай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай [1, с. 8]!

Ибо это завещано свыше: «Тенгри (Великое Небо) тюрков и священная Земля-Вода (Родина) тюрков так сказали: “да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет”» [7, с. 37].

Традиционное мировоззрение хакасов верило, что только светлые надежды, позитивное мировосприятие и деятельность являются условием светлого будущего, и предостерегало: «Несчастья не жди, увечий не подстерегай». По-видимому, предполагалось, что любая мысль может материализоваться. Особенно опасным считалось такое поведение женщины-матери и жены, т.к. она составляла единое целое с детьми и мужем.

Таким образом, для традиционного мировоззрения хакасов особой ценностью являлась не столько индивидуальная жизнь, сколько целостность и жизнеспособность семьи, рода, этноса, а во время расцвета Древнехакасского каганата и «божественного государства». Условием вечности этноса становились нравственная чистота и сохранение целостности и гармонии миропорядка каждого человека. Зафиксированные в конце XIX в. учеными традиции, обычаи и обряды хакасов, как уже ранее отмечалось, в течение XX в. были объявлены «пережитками прошлого» и оказались невостребованными. Идея прогресса проникла в умы и сердца граждан страны.

Вовлеченность народов России в процессы глобализации и социальной трансформации с неизбежностью ставят вопросы о проявлении *этнического модернизма, который может быть представлен как ориентация общественного сознания этноса на достижение уровня наиболее развитых народов, ответственных за ускорение глобализации. Это приводит к полному изменению ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений.* Модернизация, как правило, проводится с использованием опыта, накопленного передовыми странами, при их технологической, политической и информационной поддержке.

Современная хакасская женщина, как правило, доминирует в семье, активна в сфере политики, экономики, культуры. Странников этнического модернизма среди хакасов немало. По сути, последний означает отказ от традиционного наследия народа как отжившего, консервативного, не способного решить противоречия в развитии этноса. В конечном счете, это приводит к капитуляции перед ассимиляционными процессами и самоуничтожению народа как этноса.

Однако, известно, что в процессе модернизации, помимо стран западной цивилизации, участвует несколько групп стран восточной культуры, которые к концу XX – началу XXI в. добились значительных технологических сдвигов. Успехи так называемых «золотых драконов» (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Китай, Сингапур и др.) исследователи справедливо связывают с умением сочетать модернизацию с исторически сложившимися устойчивыми ценностями, формами жизнедеятельности, социальными отношениями.

Все вышеперечисленные процессы характерны и для хакасов, тюркоязычного народа, давшего имя Республике Хакасия. Однако в последние годы в общественном сознании все больше фиксируются опасения, что доминирующее положение женщин приводит к тому, что хакасские мужчины теряют собственно

маскулинные качества (мужественность, ответственность, силу духа и пр.). Сами же хакасские женщины обеспокоены нежеланием молодого поколения становиться матерями, женами, хозяйками домашнего очага. Поэтому все более востребованным становится знание о распределении ролей мужчин и женщин в традиционном хакасском обществе, представленное выше.

Использование этнического наследия как ресурса восстановления этнической целостности во времени и пространстве осуществляется в форме неотрадиционализма. Этнический неотрадиционализм, на наш взгляд, *это включение традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений в модернизационные процессы для устойчивого развития этноса во времени и в пространстве*. Сущностной характеристикой неотрадиции, на наш взгляд, необходимо считать *возрождение ценностного ядра традиции*. При этом форма и контекст могут быть современными. Возрождение одной лишь формы, без осмысления ценностно-содержательного наполнения или даже внесения иного, чуждого содержания, становится псевдотрадицией, которая разрушает целостность этнической культуры.

К проявлениям хакасского этнического неотрадиционализма могут быть отнесены:

1) актуализация моноэтнических браков, что связано с тем, что этническая идентификация детей смешанных браков в абсолютном большинстве осуществляется не в пользу выбора хакасской идентичности. В сложных демографических условиях (малая численность, низкая рождаемость, высокая смертность), при низкой доле хакасского населения (12% от общего населения республики) выбор брачного партнера из своей этнической среды рядом представителей народа считается актуальным и необходимым;

2) возрождение многодетности семей, при этом становятся востребованными традиции жизненного цикла (обряды рождения, имянаречения, свадьбы, похороны); неотрадиционалистский аспект этого явления обнаруживается в том, что молодые семьи хотят иметь популярную литературу с рациональным объяснением семейных традиций, обычаев, обрядов;

3) повышение ценности родного языка; несмотря на то, что хакасский язык является одним из государственных языков республики, он утратил многие социальные функции, в том числе, ограниченно употребляется в быту; представители народа, справедливо считая язык важнейшим атрибутом этноса, стремятся восстановить его в семье, образовании, в обществе в целом; общественные объединения, до 80% которых составляют женщины, постоянно ставят и решают вопросы сохранения и развития хакасского языка;

4) рост популярности «этнических» имен либо имен на двух языках;

5) использование этнической атрибутики в одежде и причёске; мастерицы национальной одежды востребованы как никогда – шьются наряды на свадьбы, национальные праздники, мероприятия государственного уровня; в течение пяти лет в республике проводится конкурс красоты «Мисс Абахай», где девушки хакасской национальности демонстрируют традиционные и стилизованные хакасские платья;

6) возрождение национальной кухни и традиций этнического пищевого поведения; дегустация этнических блюд осуществляется на праздниках республиканского, муниципального и сельского уровней, а также в отдельных семьях; инфраструктуры национальной кухни (ресторанов, кафе) не создано;

7) использование традиций этнопедагогике осуществляется системно и повсеместно в районах традиционного проживания хакасского населения (Аскизском и Таштыпском), существенно в меньшей степени – в городах со смешанным населением;

8) распространение традиционных для этноса религий (тенгрианство и шаманизм) осуществляется, как это ни парадоксально, тоже в большинстве своем женщинами; достаточно сказать, что в «Обществе традиционной религии хакасского народа – шаманизме» (зарегистрировано в 1994 г.) из трех председателей двое были женщины, религиозное общество «Хан тигир» изначально создано шаманкой Т. Кобежиковой, которая убеждена, что в современных условиях даже в обряде тигир таих женщины могут принимать участие с мужчинами на равных.

Как видим, во всех этих проявлениях неотрадиционализма отчетливо «проступает женское лицо».

Основными функциями этнического неотрадиционализма в условиях глобализации являются сохранение этнической идентичности; закрепление этнической солидарности; адаптация к модернизационным процессам. В конечном счете, этнический неотрадиционализм ведет к обретению этносом целостности во времени и пространстве в новых исторических условиях. Однако это явление крайне противоречиво и требует серьезного осмысления на уровне феномена и конкретных явлений, в том числе в гендерном аспекте. Этнический неотрадиционализм пока носит скорее символический и противоречивый характер, оставаясь на поверхности сознания большинства членов народа, само же культурное наследие характеризуется неполнотой (а порой и прямым искажением) проявления традиции.

Список литературы

1. Албынжи. Хакасское героическое сказание. Красноярск: Книжное изд-во, 1984. 112 с.
2. Алтын Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
3. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2009. 273 с.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993. 526 с.
5. Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб., 1907. Ч. IX. 660 с.
6. Кышпанакоева О. Н. Игра и мир детства в хакасской народной педагогике // Поиск. 1994. № 1. С. 10-15.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.: Изд-во АН, 1951. 452 с.
8. Радлов В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.

WORLD OF KHAKASS WOMAN: NEO-TRADITIONALISTIC DISCOURSE

Anzhiganova Larisa Viktorovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Khakass State University named after N. F. Katanov
Alv_9@mail.ru

The article reveals the meaning of the contradictory processes of preserving and developing the Khakass people under globalization and social transformations. The paper shows that neo-traditionalistic trend is one of efficient strategies. Special attention is paid to the dominating role of women in the development of traditional and modern societies. The author concludes that ethnic neo-traditionalism is rather symbolic and contradictory; cultural heritage itself is characterized by the incompleteness of tradition manifestation.

Key words and phrases: the Khakass people; Khakass woman; traditions; rituals; ethnic traditionalism; ethnic modernism; ethnic neo-traditionalism.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются основные этапы вступления Енисейского ордена Ленина речного пароходства в рыночные отношения с 1985 по 2001 гг., законодательная база преобразований. Показаны результаты внедрения хозрасчетных отношений в период перестройки, изменения в структуре пароходства в 90-е гг. XX в., особенности приватизации. Изучены главные направления социальной политики пароходства, а также влияние реформ на социальную сферу предприятия.

Ключевые слова и фразы: Енисейское речное пароходство; модели хозяйственного расчета; социальная сфера предприятия; смена формы собственности; закрепляемость кадров; материально-технический потенциал.

Ахтамов Евгений Александрович

Северьянов Михаил Дмитриевич, д.и.н., профессор

Сибирский федеральный университет

akhtamov@gmail.com; severyanova@mail.ru

**ЕНИСЕЙСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА РЕЧНОЕ ПАРХОДСТВО (ЕРП)
В ХОДЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1985-2001 ГГ. ©**

Согласно Морскому энциклопедическому словарю под ред. Н. Н. Исанина, под пароходством подразумевается «комплексное предприятие транспорта, имеющее в своем составе флот, морские (озерные, речные) порты, судоремонтный завод, специализированные управления, отряды и другие производственные и хозяйственные подразделения, а также специальные учебные заведения» [5].

В 1985 г. речная отрасль РСФСР включала в себя 21 пароходство, 110 промышленных предприятий, 14 производственных объединений водных путей и каналов, которые объединяли более 150 портов, районных управлений и пристаней, 78 технических участков водных путей и районов гидротехнических сооружений, научно-производственные объединения, научно-исследовательские, проектно-конструкторские и строительные организации; 24 учебных заведения, 26 торговых и снабженческих предприятий и организаций и другие предприятия [2].

В состав ЕРП входили Красноярский и Подтесовский судоремонтные заводы, Красноярский, Ачинский, Лесосибирский и Игарский порты, Кызыльское, Верхне-Енисейское, Ангарское и Таймырское районные управления, Ермолаевская, Минусинская, Кононовская, Павловская ремонтно-эксплуатационные базы, Галанинская и Туруханская пристани, Красноярское речное училище, Детское речное пароходство, около 450 тарифных пунктов, пристаней, портов и организаций Министерства речного флота РСФСР [3, д. 933, л. 34].

В населенных пунктах, где структурные подразделения ЕРП являлись градо- либо селообразующими предприятиями, подразделения ЕРП вплоть до середины 90-х гг. XX в. оказывали населению жилищно-коммунальные, бытовые и торговые услуги. Часть структурных подразделений пароходства производила и реализовывала «непрофильную» товарную продукцию (пиломатериалы, товары народного потребления). Кроме того, ЕРП оказывало материальную и финансовую помощь сферам здравоохранения, образования и культуры.

Таким образом, ЕРП до 90-х гг. XX в. было своего рода государством в государстве, находилось в подчинении Министерства речного флота РСФСР, но активно участвовало в социокультурном развитии Красноярского края, Республик Хакасии и Тувы.

Трансформация ЕРП в 1986-1991 гг. происходила в рамках государства Союза ССР, основой хозяйственной системы которого была государственно-плановая экономика. В указанный период она реформировалась на основе перевода учреждений, предприятий и отраслей на хозяйственный расчет первой и второй экономических моделей.